

Л.А. АНДРЕЕВА

“Православный строй” и коммунистический режим

Революционные события и православие

С. Булгаков, осмысливая ход революционных событий 1917 г., резюмировал: “Как ни мало было оснований верить грезам о народе-богоносце, все же можно было ожидать, что церковь за тысячелетнее свое существование сумеет себя связать с народной душой и стать для него нужной и дорогой. А ведь оказалось, что церковь была устранена без борьбы, словно она не дорога и не нужна была народу, и это произошло в деревне даже легче, чем в городе... Русский народ вдруг оказался нехристианским” [Булгаков, 1993, с. 609]. Пытаясь ответить на вопрос, почему “народ-богоносец” вдруг в массовом масштабе воспринял большевистскую идеологию, Н. Бердяев писал, что “тоталитарность, требование целостной веры, как основы царства, соответствует глубоким религиозно-социальным инстинктам народа. Советское коммунистическое царство имеет большое сходство по своей духовной конструкции с Московским православным царством... Коммунизм оказался неотвратимой судьбой России, внутренним моментом в судьбе русского народа” [Бердяев, 1990, с. 117, 93].

В октябре 1917 г. Временное правительство без особых усилий было свергнуто большевиками. Быстрое малокровное установление власти Советов можно объяснить тем, что народ видел в большевиках выразителей своих насущных требований. Второй Всероссийский съезд Советов принял Декрет о мире, где война объявлялась преступлением против человечества, и Декрет о земле, отразивший дух 242 крестьянских наказов, утвержденных как приложение к Декрету. Основой Декрета о земле большевикам послужила эсеровская программа землеустройства. Ее реализация отвечала многовековым чаяниям народа и воспринималась как акт социальной справедливости, большевистское правительство получило огромную поддержку крестьян, и мало кого интересовало, чья это программа с точки зрения партийной принадлежности.

Как пример можно привести письмо крестьянина, помещенное в “Петроградской правде”: «А когда царя-батюшку с божьей помощью спихнули, то тут появилась партия социалистов-революционеров... Но мы, беднота, ожидали такую партию, которая открыто бы высказалась за наделение нас землей... И вот в начале ноября... получаем декрет, в котором говорится, что отныне собственности на землю нет, от помещиков земля отбирается и передается трудовому народу... Прочитали подпись под декретом – “Ленин”... *Доверие к попу пропало, а интерес и доверие к Ленину возросли* (курсив мой. – Л.А.)» [Деревенская... 1918].

Православная церковь практически сразу открыто выразила враждебное отношение к новому режиму. Стоит обратить внимание на тот факт, что в ходе выборов во

Всероссийское Учредительное собрание в ноябре–декабре 1917 г. за православные партии по всей России было подано 155 тыс. голосов. Еще 54 тыс. человек проголосовали за партии старообрядцев и 18 тыс. – за иные христианские политические движения. Иными словами, в обстоятельствах крайнего политического и нравственно-антагонизма христианские партии привлекли менее чем полпроцента российского электората [Зубов, 2001, с. 95]. Вообще же можно согласиться с мнением С. Фирсова, что “позиции Церкви в новой России были очевидно слабы. События, происходившие в главной конфессии империи в течение последних предреволюционных лет, не могли не повлиять на отношение к ней в самых широких слоях российского народа” [Фирсов, 2002, с. 577]. В поэме “Двенадцать” А. Блок выразил это отношение в следующих строках:

“А вон и долгополый –
Сторонкой за сугроб...
Что нынче невеселый,
Товарищ поп?
Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ” [Блок, 1980, с. 516].

В народном сознании несправедливый социальный строй прочно ассоциировался с государственным православием; в силу этого призывы Православной церкви к борьбе “с большевистской чумой” только усиливали сознание того, что советская власть правильная, народная, раз у нее появился такой враг, как Православная церковь.

11 ноября 1917 г. Священный собор Российской православной церкви принял послание, в котором открыто объявил о неприятии идеологии большевиков и призвал народ отказать им в поддержке: “Оставьте безумную и нечестивую мечту лжеучителей, призывающих осуществить всемирное братство путем всемирного междоусобия! Вернитесь на путь Христов!”. Далее говорилось: “Одна часть войска и народа, обильная обещаниями всяких земных благ и скорого мира, восстала на другую часть” – таким образом фактически констатировалось начало гражданской войны. Собор дал негативную оценку действиям Советского государства по национализации земли: “Давно уже в русскую душу проникают севы антихристовы, и сердце народное отравляется учениями, ниспровергающими веру в Бога, насаждающими зависть, алчность, хищение чужого”. В послании содержалось неприятие выхода России из войны с Германией. Правительство большевиков, положившее конец войне, унесшей уже более 6 млн человек, обвинялось в измене: “Для тех, кто видит единственное основание своей власти в насилии одного сословия над всем народом, не существует родины и ее святыни. Они становятся изменниками Родины, которые чинят неслыханное предательство России и верных союзников наших”. Стоит обратить внимание в этом послании на следующий момент – Священный собор Российской православной церкви не восхвалял и павший царский строй: “Но к нашему несчастью, доселе не родилось еще власти воистину народной, достойной получить благословение Церкви Православной” [Русская... 1995, с. 103–104].

19 января 1918 г. патриарх Тихон в послании к архипастырям и всем верным чадам Российской православной церкви назвал большевиков “безбожными властелинами тьмы века сего” и призвал к открытому сопротивлению и организации Союза духовных борцов. При этом указывалось, что противостояние предстоит не мирное и не духовное: “А если нужно будет, и пострадать за дело Христово зовем вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания вместе с собою”. Напрямую Тихон в этом послании не анафематствовал большевиков, а анафема провозглашалась против “безумцев, творивших кровавые расправы” [Русская... 1995, с. 110–112].

О жестокости этих расправ Тихон рассказывал на примере гибели митрополита Киевского Владимира в январе 1918 г.: “Убийство произошло 25 или 26 января, когда часть Киева была уже в руках большевистских войск. Большевистские солдаты в этот

день явились в Киево-Печерскую Лавру, находившуюся вблизи арсенала. Солдаты думали, что в Лавре установлены орудия. Спросив у лаврской братии, кто здесь хозяин, солдаты направились в покои митрополита Владимира, произвели здесь обыск, рассчитывая найти большие деньги. Но у митрополита Владимира оказалось только 100 рублей. Затем солдаты спросили митрополита, нет ли в Лавре орудий или оружия. Несмотря на заявление митрополита, что никакого оружия в Лавре нет, солдаты произвели полный обыск. Конечно, ничего подозрительного в Лавре не оказалось. После этого солдаты приказали митрополиту Владимиру одеться и следовать за ними в комендатуру. Был вечер. Митрополит был выведен за лаврские ворота. Братия Лавры или перепугалась, или солдаты не разрешили ей идти за митрополитом, – только митрополит Владимир ушел с солдатами один. На следующее утро митрополит Владимир вблизи Лавры был найден убитым. На трупе были обнаружены две смертельные огнестрельные раны и несколько штыковых” [Русская... 1995, с. 117].

23 января 1918 г. правительство обнародовало Декрет СНК об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. Он формально ввел Православную церковь в рамки буржуазно-либеральных норм и гарантировал, что “каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием никакой веры, отменяются”. Вводилась возможность замены (по решению суда) в силу религиозных воззрений одной гражданской обязанности (несение воинской службы) на другую. Но это не устроило Церковь, которая привыкла опираться на государство. В ответ на этот Декрет 27 января 1918 г. Собор выпустил воззвание, где опять прозвучал призыв к сопротивлению: “Лучше кровь свою пролить и удостоиться венца мученического, чем допустить веру православную врагам на поругание” [Русская... 1995, с. 113–114, 116].

7 ноября 1918 г. патриарх Тихон обнародовал воззвание к Совету народных комиссаров по поводу годовщины Октябрьского переворота, где обвинял большевиков в том, что они “соблазнили темный и невежественный народ” [Послание... 1990, с. 22]. А. Зубов по поводу “темноты и невежества” народа дал совершенно обоснованный, по моему мнению, комментарий: «Почему после тысячелетия христианской проповеди на Руси, после веков существования православного царства остался наш народ “темным и невежественным”?.. Не падают ли убийства, насилия и грабежи, совершенные в годы революции “темным и невежественным” русским народом, на головы тех, кто, высоко поставленный Промыслом и освобожденный от гнета повседневных бытовых тягот, ленился класть душу свою за овец? Кто много раньше большевиков так часто давал народу камень вместо хлеба и змею вместо рыбы или не давал вовсе ничего, ни хорошего, ни дурного, всецело поглощенный своими заботами. Не с головы ли гниет рыба, и не таков ли приход – каков поп?.. Боюсь, что неисчислимые страдания, лишения и ужасные смерти многих представителей высших сословий в годы революционного лихолетья – расплата за века их нерадения о долге правителей и пастырей. Большевики не в большей степени виноваты в ужасном пароксизме народного организма, чем гной из застарелой, запущенной раны виновен в смерти больного от общего сепсиса. Не большевики за считанные дни своей власти развратили народ, но те, кто *так* правили ими тысячелетие» [Зубов, 2001, с. 96–97].

Открыто объявляя себя врагами Советской власти и призывая, по сути, к борьбе, высшее руководство Православной церкви поставило под удар весь клир, поскольку с начала Гражданской войны духовенство расстреливалось по принципу принадлежности к организации, открыто заявившей о своей борьбе с новой властью еще в мирный период. Только поражение белых армий заставило патриарха Тихона выпустить послание от 8 октября 1919 г. с призывом о невмешательстве в политическую борьбу и подчинении Советской власти. В этом послании он писал, что Церковь “подпала под подозрение у носителей современной власти в скрытой контрреволюции, направленной якобы к ниспровержению Советского строя” [Русская... 1995, с. 136].

Становление квазирелигиозной коммунистической идеологии

К концу 1920 г. Гражданская война была закончена, и большевики решили, что настало время, когда можно вплотную заняться воплощением уже своей, чисто светской марксистской доктрины. Разумеется, для религии как всеобъемлющего и цельного мировоззрения – соперника “единственно верного” марксистско-ленинского учения – здесь места быть не могло. Атеизм принимал форму воинствующего безбожия – борьбы с традиционными конфессиями. В то же время партия формировалась и действовала, как отмечал И. Сталин, по типу религиозного ордена меченосцев [Боффа, 1990, с. 258]. Аналогичная ситуация сложится в 1930-е гг. в фашистской Германии. Мнение А. Гитлера об опасности традиционных религиозных конфессий обосновывалось тем, что “иерархическая организация и посвящение через символические обряды, действующие магически на воображение, – опасный элемент... Разве вы не понимаете, что и наша партия должна быть такого же характера?.. Орден, иерархический орден секулярного священничества... Мы или... Церковь – есть место только для одного” (цит. по [Пруссаков, 1992, с. 122]).

Т. Коваль подчеркивает, что К. Маркс, Ф. Энгельс и В. Ленин «создали цельное мировоззрение... Представляясь истиной в последней инстанции, коммунизм как религия, притязающая на абсолютность, не знает нейтральных, индифферентных для себя областей. Он не ограничивается какими-то определенными областями... У него было свое представление о смысле жизни, свое понимание высших целей и ценностей. И эти представления он не просто “предлагает”, но навязывает, не принимая диалога, а тем более критики. Как религиозные фундаменталисты коммунисты претендуют на влияние на все без исключения аспекты жизни человека и общества, на определение жизни с рождения до смерти... Непримируемость коммунизма ко всем религиям вытекает из стремления быть единственным универсальным мировоззрением, которое исповедуют не сомневаясь, в истинность которого верят». Этим, по моему мнению, “объясняется борьба с религией на всем протяжении существования коммунистического режима, переходившая в 20–30 годы XX века в кампанию по насильственной атеизации” [Коваль, 1997, с. 152]. Но тогда возникает вопрос – почему же Церковь не запретили полностью? Видимо, гонения на православие давали возможность “выпустить пар”, прикрыть свои неудачи происками “врагов народа”, чему способствовали сильнейшие антиклерикальные настроения, распространившиеся в России в преддверии и в первые годы революции.

Большевики грезили воображаемой моделью будущего – коммунизмом и созданием нового совершенного “сверхчеловека”. Еще в 1904 г. А. Луначарский так описывал марксистское обожествление способностей человека: “Вера активного человека есть вера в грядущее человечество, его религия есть совокупность чувств и мыслей, делающих его сопричастником жизни человечества и звеном в той цепи, которая тянется к сверхчеловеку... законченному организму, в котором жизнь и разум отпразднуют победу над стихиями... Если сущность всякой жизни есть самосохранение, то жизнь прекрасная, благая, истинная есть самосовершенствование” [Луначарский, 1904, с. 181–182].

Во многом эта традиция восходит к позитивизму О. Конта и созданной им религии Человечества или иначе – Великого существа, в котором воплощаются лучшие качества человеческого рода [Comte, 1851–1854]. Картина будущего, обрисованная Луначарским, перекликается также с учением Ф. Ницше. В книге “Так говорил Заратустра” (1883) провозглашалось, что Бог умер, и предрекалось пришествие “сверхчеловека”: “Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно превзойти... Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором. Вы совершили путь от червя к человеку, но многое в вас осталось от червя. Сверхчеловек – это смысл земли. Пусть же ваша воля говорит: да будет сверхчеловек

смыслом земли!.. Я люблю того, кто оправдывает людей будущего и искупляет людей прошлого: ибо он хочет гибели от людей настоящего” [Ницше, 1997, с. 7–11].

В 1908–1911 гг. Луначарский выпустил двухтомный труд “Религия и социализм”, где обосновал теорию богостроительства без Бога в рамках новой религии – марксизма. В “Очерках по истории марксизма” Луначарский писал: “Социализм, это организованная борьба человечества с природой до полного подчинения разуму: в надежде на победу, в стремлении, в напряжении сил – новая религия... Новая религия не может вести к пассивности, к которой, в сущности, ведет всякая религия, дающая безусловную гарантию в торжестве добра, новая религия уходит в действие” [Луначарский, 1908, с. 157]. Идеи коммунистического богостроительства высказывал и М. Горький, что особенно возмущало Ленина. Отмечали квазирелигиозный смысл коммунизма и религиозные философы Бердяев и Булгаков.

Как справедливо замечает американский исследователь культа Ленина в Советской России Н. Тумаркин, “Богостроительство, – а позднее усилия по увековечению памяти Ленина – ставило целью подлинное обожествление человека. В марксизме со всей очевидностью выступает протеевский порыв-убеждение в том, что сознательные свободные труженики станут творцами нового мира; тем же убеждением проникнута и русская революционная традиция, вобравшая в себя как веру в величие русского народа, так и веру в самих революционеров, которые должны преобразить Россию, – в конце концов, и весь мир – на началах всеобщего равенства. Богостроительство возникло на перепутье различных умственных течений – марксизма, русского революционного движения и апокалиптических чаяний. Ирония истории заключается в том, что богостроители приложили немало стараний для обожествления человеческого гения, воплощенного в личности Ленина, который предал анафеме всякую религию – и которому особенно отталкивающим представлялось богостроительство, однако именно Ленину суждено было стать, благодаря иным из его ближайших друзей, богочеловеком коммунизма” [Тумаркин, 1997, с. 31]. Однако представляется, что Ленин стал “богочеловеком” коммунизма не столько усилиями “ближайших друзей”, а в силу логики российской истории.

Квазирелигиозный культ “Ленина–Сталина”

В 1920-е гг. квазирелигиозный культ человека, который начал складываться в России среди социалистически настроенной интеллигенции еще с 1860-х гг., стал приобретать мировоззренческую и организационную законченность. Он был персонализирован и встроен в систему мировоззренческой, ценностной и партийной иерархии. Образ Ленина еще при жизни обрастал признаками сверхчеловека – божества с типичными чертами цикличности жизненного пути: мессианская цель – страдание за народ – победа, которая создаст новую, справедливую общность людей.

В 1902 г. в известной работе “Что делать?” Ленин нарисовал путь к счастью народа через создание профессиональной партии революционеров. Именно революционная организация – союз посвященных – должна перевернуть Россию. В этой работе Ленин изложил революционную теорию, призванную сплотить вокруг него единомышленников. Тумаркин отмечает: “От многих других Ульянова отличала решимость *самому* сделаться примером для окружающих – именно она и способствовала его превращению в Ленина: более того, он создал партию, которая, вооружившись его идеями и указаниями, должна была сыграть организующую и направляющую роль в осуществлении революции в России” [Тумаркин, 1997, с. 64].

С первых дней Октябрьской революции стал складываться культ Ленина как гениального вождя, культ квазирелигиозный по своей сущности. Ранение Ленина в 1918 г. советская пропаганда истолковывала как добровольную жертву человека-спасителя, сознательно подвергавшего себя опасности (поскольку он преднамеренно отказывался от телохранителей). Можно полностью согласиться с тем, что культ Ленина берет начало в публичном признании его добровольной жертвы на благо народа (см. [Тумар-

кин, 1997, с. 82]). В поэзии того времени образ Ленина явно наделяется чертами Христа: “Ты к нам пришел, чтоб облегчить / Наши тяжкие мученья, / Ты к нам пришел, как вождь, разбить / Врагов рабочего движенья... / Нам не забыть твоих страданий, / Что перенес ты, вождь, за нас. / Ты жертвой стал...” [Страдающий...1918].

В 1920 г. в честь 50-летия Ленина Агитпроп издал огромным тиражом в 200 тыс. экземпляров его биографию, написанную весьма просвещенным человеком, старым большевиком В. Невским, позднее – первым директором Библиотеки им. Ленина и автором первой многотомной истории ВКП(б), издание которой было быстро прервано И. Сталиным, Г. Зиновьевым и Л. Каменевым. История детства Ленина интерпретируется в книге Невского в мессианских и телеологических терминах, как жизнь чудесного младенца, спасителя. В ней, в частности, говорится: “...когда трудящемуся народу жилось очень тяжело под гнетом помещика капиталиста, в городе Симбирске, в небогатой семье родился мальчик, которому потом выпало на долю вместе с рабочими и крестьянами отобрать у помещиков... землю, освободить рабочего... и начать коренное переустройство мира” [Невский, 1920, с. 3].

Организационно выстраивалась иерархия форм поклонения вождю. Уже при жизни Ленина стали возникать ленинские уголки. В 1923 г. на Первой сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке в Москве, проходившей в Центральном доме крестьянина, был устроен ленинский уголок, содержащий рисунки, фотографии Ленина, документы [Уголок... 1923]. Данная идея с большой долей вероятности восходит к архетипу красного (сакрально маркированного) угла русской избы, где у православных помещались иконы.

После кончины Ленина 21 января 1924 г. его квазирелигиозный культ вступил в решающую стадию формирования. Умер Отец – Основатель нового учения – ленинизма, умер мученик за народное счастье, указавший и знавший единственно верный путь для счастья России и всего мира, умер спаситель угнетенных всего мира. Бессмертность Ленина призван был продемонстрировать мавзолеем с нетленным телом вождя. Следует напомнить, что незадолго до смерти Ленина прошла кампания по вскрытию мощей православных святых, многие из которых оказались весьма далеки от нетленности.

М. Калинин, а главное – Сталин высказались за бальзамирование тела. Сталин, ссылаясь на волю “товарищей из провинции”, заявлял: “Они говорят, что Ленин русский человек и соответственно тому должен быть и похоронен... Некоторые товарищи полагают, что современная наука имеет возможность с помощью бальзамирования надолго сохранить тело усопшего”. Последовательный атеист Л. Троцкий сразу уловил подспудный смысл сталинского предложения: “Когда тов. Сталин отговорил до конца свою речь, тогда только мне стало понятным, куда клонят эти сначала непонятные рассуждения и указания, что Ленин – русский человек и его хоронить надо по-русски. По-русски, по канонам Русской православной церкви, угодники делались мощами. По-видимому, нам, партии революционного марксизма, советуют идти в ту же сторону – сохранить тело Ленина. Прежде были мощи Сергия Радонежского и Серафима Саровского, теперь хотят заменить их мощами Владимира Ильича” [Тумаркин, 1997, с. 159].

Строительство мавзолея для сохранения ленинских мощей станет апофеозом воплощения формулы о бессмертии Ленина: “Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить”. Как замечает С. Фирсов, «место захоронения “главы церковной иерархии” достаточно быстро утратило траурный смысл. Мавзолеем как символ вечной жизни революционных идей соединил в себе функции высшего пьедестала почета, коммунистического храма, сакрального центра коммунистической цивилизации, посещение которого есть в то же время причащение к ленинской идеологии, демонстрация веры в реальность “царствия рабочих и крестьян”» [Фирсов].

Таким образом был создан квазирелигиозный культ Ленина. Согласно христианской сакрализации власти царь есть Наместник Христа на земле, его земная актуализация. Именно эта схема лежала в основе создания в дальнейшем и культа Сталина, который как руководитель партии большевиков и Советского государства подобно

древнеегипетским фараонам “по должности” унаследовал “божественную” природу Ленина. Это воплощалось в формуле: “Сталин – Ленин сегодня”.

При этом культ Сталина зримо и явно “обгонял” культ Ленина по статусу и распространенности. 7 ноября 1933 г. американский журналист Ю. Лайонз, совершив прогулку по Москве, подсчитал количество портретов и бюстов руководителей партии и государства (по его определению, “политических икон”). На протяжении нескольких кварталов изображений Сталина оказалось 103, а изображений Ленина – только 58 [Тумаркин, 1997, с. 223]. Вместе с тем я бы не согласилась с выводами Тумаркин о том, что эти цифры свидетельствуют о вытеснении культа Ленина культом Сталина: оба культа не могли существовать один без другого. В 1933 г. Сталин был актуализацией Ленина, отсюда и преобладание его “политических икон”. В рамках этого двойного культа провозглашалась новая мораль, новые культовые обряды – октябрины вместо крестин и т. д. Была сформулирована и новая мессианская идея, которая воплощалась через Третий Интернационал. При этом, призывая на словах к светлому коммунистическому “завтра”, Сталин на деле стремился укрепить свою власть, вернуться к самодержавному “вчера”.

Должность главы партии стала сакральной, объединив жреческо-идеологические и властные земные функции. Фактически после революции в России возродилась, в новой секуляризованной и идеологизированной форме, власть наместника Бога на Земле. Коммунистический вождь должен был восприниматься как “наместник нового Христа” – Ленина.

Как верно отмечает Фирсов, «ведя борьбу с институциональной церковью, уничтожая ее святыни и издеваясь над ее святынями, большевики противопоставили им свои святыни и святых. Традиционное сознание никогда не усвоило бы новых ценностей, если бы они не были обернуты в старую “упаковку”. Форма в данном случае полностью заменяла содержание. В стране с первых дней революции создавался культ новых героев. Были святые “вселенские” (великие революционеры прошлого) и свои. По ходу революции и гражданской войны появлялись новые коммунистические мученики, беззаветно отдавшие свои жизни ради “общего дела”. Уже в 1920-е гг. появляется новая “житийная литература”: книги о Ленине и его сподвижниках, о героях недавнего прошлого (например, о И. Бабушкине), о здравствовавших на тот момент революционерах. Коммунистические святцы довольно быстро пополнились новыми именами, в 1920-е гг. детей стали называть в честь новых святых и главного “бога” – Ленина: Вилен, Виленин, Виль, Владлен... В честь вождей уже при их жизни переименовывались города...» [Фирсов].

В советской идеологии нетрудно заметить черты манихейства и дуализма. Все зло, согласно теории марксизма-ленинизма, исходило от мира капитала, а частная собственность выступала в роли первородного греха. Весь свет и добро – от Советской России, которой предназначено в тяжелой схватке победить мир тьмы. Победа мира социализма над миром капитала и построение земного коммунистического рая на земле – коммунистическая эсхатология. Можно согласиться с мнением Коваль, что «в определенном смысле коммунизм в своих чаяниях Царства Божия на земле был близок к древнему иудейскому хилиазму, ориентированному на рай на земле в “этом эоне”, а не за пределами истории, “в будущем веке”, как свойственно христианской эсхатологии» [Коваль, 1997, с. 159].

Партия воспринималась как еkkлeзиастический институт – своего рода коммунистическая церковь посвященных. Были в ней и свои еретики, которые извращали чистоту коммунистического учения и потому должны были быть изгнаны (НКВД можно рассматривать как своего рода религиозную инквизицию). Был и свой “падший ангел” – Троцкий. Современница тех событий и родственница Сталина в своем дневнике выражает свои чувства по поводу процесса над троцкистами: “...душа пылает гневом и ненавистью, их казнь не удовлетворяет меня. Хотелось бы их пытать, колесовать, сжигать за все мерзости, содеянные ими” [Иосиф... 1993, с. 176]. Роль церковных соборов выполняли съезды партии. Были и свои священные писания – труды классиков.

Как метко заметил Фирсов, была создана и “энциклопедия большевизма” – “Краткий курс истории ВКП(б)”: «Памятник коммунистического религиозного дуализма, эта книга на долгие годы стала священным писанием большевиков-ленинцев (сталинцев). Ее религиозная ценность... состоит в том, что она давала ясный и однозначный ответ на вопрос о добре и зле (в большевистско-сталинском понимании, разумеется). Автором книги официально считался пророк “новой истины” – И. Сталин, хотя он никогда не признавался в авторстве» [Фирсов].

Советский режим использовал патриотический порыв людей во время Великой Отечественной войны для легитимного возрождения имперских принципов и символов самодержавной России. Ш. де Голль напишет о Сталине: “Один лицом к лицу с Россией, Сталин видит ее таинственной, более сильной и более прочной, чем все теории и все режимы. Он ее любит по-своему. *И она приняла его, как царя* (курсив мой. – Л.А.), до истечения страшного времени, и поддерживает большевизм, чтобы использовать его, как орудие. Собрать славян, раздавить германцев, распространиться в Азии, получить доступ к открытым морям – такими были мечты родины, такими стали цели деспота” (цит. по [Безансон, 1998, с. 66]). Де Голль уловил главное: в Советской России появился коммунистический царь, скроенный на старый наместнический лад. Еще в 1935 г. Сталин в приватной беседе сказал своей родственнице М. Сванидзе: “...народу нужен царь, т.е. человек, которому они могут поклоняться и во имя которого жить и работать” [Иосиф... 1993, с. 176].

А. Тойнби констатировал по этому поводу: «как под Распятием, так и под серпом и молотом, Россия – все еще “Святая Русь”, а Москва – все еще “Третий Рим”» [Тойнби, 1996, с. 114]. Круг российской истории, до поры до времени уводивший от идеи сакральности власти к атеизму и антиклерикализму, тем самым замкнулся.

Совершенно логичным выглядит на этом фоне и коренной перелом в церковно-государственных отношениях, происшедший именно в период Великой Отечественной войны. В 1943 г. Русская православная церковь как институт, полностью контролируемый Советским государством и служащий в конечном счете его интересам, становится для иностранной общественности и внутри страны символом связи и даже преемственности сталинской власти и царской России. Сталин опирался в Православной церкви на часть паствы и духовенства, которая была воспитана в традициях государственной церкви и видела в его новой политике веротерпимости возвращение к до-революционной (синодальной) норме церковно-государственных отношений. В русле новой политики 14 сентября 1943 г. постановлением Совнаркома был образован Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР, а несколько позднее создан и Совет по делам религиозных культов. В период с 1943 по 1953 г. происходит оживление деятельности Православной церкви в СССР, повышается и активность других религиозных объединений.

Эта политика не всегда была достаточно последовательной. Например, в начале 1960-х гг., в связи с выдвиганием Н. Хрущевым курса на построение в ближайшие 20 лет (к 1980 г.) материально-технической базы коммунистического общества, делаются попытки акцентировать морально-религиозную (эсхатологическую) роль коммунистической идеологии. Это ярко проявляется в таких документах, как Программа КПСС и особенно – во входящем в нее “Моральном кодексе строителя коммунизма”. Было провозглашено, что «коммунизм выполняет историческую миссию избавления всех людей от социального неравенства, от всех форм угнетения и эксплуатации, от ужасов войны и утверждает на земле Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство и Счастье всех народов... В полной мере воплотится лозунг партии: “Все во имя человека, для блага человека”». В то же время в Программе КПСС религиозные верования названы “пережитками капитализма в сознании и поведении людей”, а борьба против этих пережитков – “составной частью работы по коммунистическому воспитанию” [Программа... 1964, с. 2, 121–122]. Ужесточение профессиональной политики обосновано постановлением Совета Министров СССР “Об усилении контроля за исполнением законодательства о культах”, принятом в 1961 г., а также специальной инструкцией

по его применению. На этом фоне усиливаются административные методы борьбы с религией, в массовом порядке разрушаются церковные здания, закрываются религиозные организации.

Однако, как ни странно, стиль государственно-церковных отношений, установленный в годы Великой Отечественной войны, в целом, в более длительной перспективе, не претерпел при этом коренных изменений. По сути, несмотря на временные перегибы, в 1940–1980-х гг. произошел медленный и постепенный возврат к старой дореволюционной модели контроля государства над религиозными конфессиями, но в рамках социалистического государства. Не имея сколько-нибудь длительного опыта самостоятельного функционирования, российские религиозные конфессии в обмен на поддержку государства и сохранение *status quo* поддержали своим авторитетом советскую власть.

Последняя тенденция отчасти связана с тем, что именно в 1960-е гг. начинается подспудный и медленный распад коммунистической квазирелигии. Разоблачение Хрущевым культа личности Сталина, хотя и не покончило с многообразными политическими, экономическими, культурными традициями сталинизма, все же имело огромный, непреходящий духовный результат: оно разрушило сакральную формулу наместнической власти: “Сталин – Ленин сегодня”. Хрущев, даже если бы очень захотел, уже не мог стать “Лениным сегодня”. Не могли позволить себе этого и последующие коммунистические вожди. Именно разрушение культа Сталина, структурообразующей квазисакральной связки Ленин–Сталин, или – шире – образа действующего лидера как актуализации образа Ленина, явилось, на мой взгляд, одной из основных причин деградации коммунистической системы легитимизации власти. В конечном итоге, наряду с экономическими факторами (коммунизм как рай на земле все не наступал ни в 1970-е, ни в 1980-е гг.), это и привело к крушению СССР.

* * *

Таким образом, можно констатировать, что неприязнь коммунистического режима к православию объяснялась во многом тем, что коммунисты усматривали в нем соперника по легализации тотальной власти и легитимизации тоталитарного государства, поскольку в тоталитарном обществе существует только одно тотальное мировоззрение, которое и может быть признано государством единственно и истинно верным. Можно согласиться с мнением В. Жукоцкого: исторический казус эпохи советского тоталитаризма состоял в том, “чтобы одной разновидности (патриархального, старорелигиозного) деспотизма решительно противопоставить другую его разновидность (коммунистического, формально – антирелигиозного), чтобы тоталитарной интенции одной культурно-исторической традиции противопоставить тоталитарную интенцию другой культурно-исторической традиции, по принципу – клин клином вышибают. Задача – погасить одну крайность другой, выйти наконец на оперативный простор свободного демократического развития культуры, в котором бы на равных сочетались и взаимодействовали ценности *консерватизма, либерализма и социализма*” [Жукоцкий, 2004, с. 92].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Безансон А. Советское настоящее и русское прошлое. М., 1998.
Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
Блок А. Избр. произв. Л., 1980.
Боффа Дж. История Советского Союза. В 2 т. М., 1990. Т. 1.
Булгаков С.Н. Апокалиптика и социализм. В 2 т. М., 1993. Т. 2.
Деревенская беднота о товарище Ленине // Петроградская правда. 1918. 21 сентября.
Жукоцкий В.Д. Русская реформация XX века: логика исторической трансформации атеистического протестантизма большевиков // Общественные науки и современность. 2004. № 3.
Зубов А.Б. Сорок дней или сорок лет? // Приемственность и возрождение России. М., 2001.

- Иосиф Сталин в объятиях семьи. Сб. док. Берлин–Чикаго–Токио–Москва, 1993.
- Коваль Т.Б.* На развалинах Вавилона // Мир России. 1997. № 4.
- Луначарский А.В.* Основы позитивной эстетики // Очерки реалистического мировоззрения. СПб., 1904.
- Луначарский А. В.* Очерки по истории марксизма. СПб., 1908.
- Невский В.И.* В.И. Ульянов (Н. Ленин). М., 1920.
- Ницше Ф.* Так говорил Заратустра, Минск, 1997.
- Послания святителя Тихона. М., 1990.
- Программа КПСС. Принята XXII съездом КПСС. М., 1964.
- Пруссаков В.* Окультизм рейх // Окультизм мессия и его рейх. М., 1992.
- Русская Православная Церковь в советское время. В 2 т. М., 1995. Т. 1.
- Страдающий Аким.* В. Ленину // Беднота. 1918. 17 сентября.
- Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории. М., 1996.
- Тумаркин Н.* Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб., 1997.
- Уголок В.И. Ульянова-Ленина. Первая сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка СССР. М., 1923.
- Фирсов С.Л.* Перевернутая религия: советская мифология и коммунистический культ (<http://www.orthodoxia.org>).
- Фирсов С.Л.* Русская церковь накануне перемен (конец 1890–1918 гг.). М., 2002.
- Comte A.* Système de politique positive ou Traité du sociologie instituant la religion de l'Humanité. 4 vol. Paris, 1851–1854.

© Л. Андреева, 2010